

Проблема заключалась в том, что тетушка Чжоу, казалось, тоже чувствовала неловкость. Через некоторое время она сказала:

— Изначально планировалось найти девушку, похожую по телосложению на ваше высочество, и во время проверки использовать маску из человеческой кожи, чтобы выдать ее за вас, и таким образом обмануть проверяющих. После этого мы бы дали ей немного серебра и отправили за границу, чтобы она больше не возвращалась.

Жун Цзянь был шокирован:

— Маска из человеческой кожи? Разве такие вещи существуют в мире?

Он думал, что такие вещи были лишь выдумкой современных романов, и не ожидал, что в реальности могут существовать вещи, выходящие за пределы научного понимания.

Тетушка Чжоу колебалась:

— Когда покойный император еще воевал за пределами страны, молодая госпожа отвечала за прием тех, кто приходил к нам, обладая уникальными навыками. Я, находясь рядом с ней, тоже слышала об этом. Один человек утверждал, что может создавать безупречные маски из человеческой кожи, способные обмануть любого. Это считается секретной техникой в мире бродяг, и ее редко раскрывают посторонним. Но молодая госпожа сказала, что у этого человека были дурные намерения, и вежливо попросила его уйти. Тогда он оставил способ связи, но это было двадцать лет назад, и я не знаю, можно ли его использовать сейчас.

Выслушав это, Жун Цзянь задумчиво кивнул. Он вспомнил, что это не настоящая древность, а мир, созданный современным автором, и это сделало ситуацию менее странной.

После того как тетушка Чжоу ушла, взгляд Жун Цзянь снова вернулся к плащу.

Искусство вышивальщиц дворца, безусловно, было высочайшего уровня, но Жун Цзянь чувствовал, что чего-то не хватает.

Как бы то ни было, ведь это был подарок, который он собирался кому-то преподнести.

В его личной сокровищнице было бесчисленное количество качественных мехов и тканей, а одежда была создана руками вышивальщиц, но Жун Цзянь не чувствовал, что он лично вложил в это что-то, и поэтому считал, что такой подарок будет неуместным.

Подарок, в который не вложено труда, не имеет эмоциональной ценности.

Когда он обсуждал с тетушкой Чжоу создание одежды, Жун Цзянь просто думал, что Мин Е в юности был слишком несчастен, даже не получая жалования, и что в преддверии зимы ему нужна была теплая одежда.

Для Жун Цзянь это было делом одного слова, и он не должен был прикладывать усилий.

Но сейчас отношения между ним и Мин Е, казалось, перестали быть простыми и понятными.

Что же делать?

Жун Цзянь долго размышлял, перебирая вещи, и вдруг увидел веер, который Мин Е сделал для него.

Этот веер был создан из сломанных веток, разорванной ткани и сорванных цветов.

Цветы камелии давно завяли, и Жун Цзянь оставил их на окне, где они упали в землю, но круглый веер все еще был здесь.

Жун Цзянь вспомнил свои чувства, когда получил этот веер.

Если подарок не был дорогой или тщательно выбранной вещью, то он мог быть сделан своими руками. Но этот плащ, который он хотел вышить с нуля, потребовал бы десяти лет упорного труда, чтобы достичь мастерства.

Это было слишком далеко.

Жун Цзянь взял плащ и внимательно осмотрел его. Вероятно, тетушка Чжоу специально указала, что владелец одежды не был высокого ранга, и вышивальщицы не использовали никаких украшений. Хотя плащ выглядел элегантно, он казался слишком простым.

Может, я смогу пришить несколько ярких бусин.

Жун Цзянь с уверенностью подумал, что можно добавить несколько драгоценных камней около завязок на воротнике, чтобы они выделялись и подчеркивали красоту Мин Е.

Он попросил Сы Фу принести нитки и иголки и, с болью в сердце, разобрал самое красивое украшение для волос. Хотя он не любил носить такие вещи, считая их слишком тяжелыми, у него был вкус.

Когда все было готово, Жун Цзянь приступил к работе. Продеть нитку в иголку при свете лампы оказалось непросто, он был неуклюж и несколько раз ошибался, но, к счастью, мех был плотным, и ошибки не были заметны, не оставляя повреждений.

Жун Цзянь был немного ошеломлен.

Ладно, его мастерство было далеко от уровня Мин Е, но усилия уже были успехом.

Он долго возился при свете лампы, пришив по три красных камня с каждой стороны, при этом три раза переделывал, четыре раза ошибался и пять или шесть раз уколол пальцы, но в итоге обе стороны получились симметричными и красивыми.

Наконец, он прогладил плащ и пропитал его ароматом корицы, который, как сказал Мин Е, ему не противен.

Два дня отпуска ушли на этот плащ.

Вечером Мин Е пришел, как и обещал.

Жун Цзянь выпил лекарство и, вспомнив, что отпуск заканчивается, почувствовал себя удрученным и подавленным.

Мин Е угостил его кусочком сладкого сушеного абрикоса и спросил:

— Что случилось?

Жун Цзянь, жуя абрикос, думал, что так продолжаться не может. В последнее время его здоровье улучшилось не только благодаря лекарствам, но и потому, что Мин Е постоянно

подкармливал его, добавляя в рацион много сахара, и он больше не страдал от головокружений.

Но слишком много сахара может привести к лишнему весу.

Сегодня был последний день, и Жун Цзянь решил.

Он, подперев подбородок рукой, с грустью сказал:

— Когда я думаю о том, что завтра снова придется учиться...

Недосказанные слова растворились во вздохе.

Мин Е спросил:

— Если ваше высочество не хочет учиться, зачем тогда вы просите меня помогать вам с уроками?

Жун Цзянь сидел на подоконнике, находясь выше Мин Е, который сидел на ветке коричневого дерева, и, глядя на него сверху вниз, сказал:

— В мире всегда есть вещи, которые делать не хочется, но приходится.

Он был осторожен и сдержан с другими, но, проведя много времени с Мин Е, стал более раскованным, иногда говоря и делая вещи без особых раздумий.

Поэтому он спросил:

— А у тебя такого нет?

Ответ Мин Е был уклончивым:

— Нет ничего, что я ненавижу или не делаю. Просто есть вещи, которые нужно делать.

Его фигура скрывалась в густой листве коричневого дерева, сидя на ветке, с красным одеянием, свисающим с одной стороны, и обычными черными сапогами, в одной руке он держал завернутые в бумагу сладкие абрикосы, а пальцы другой руки были испачканы сахаром.

Мин Е не ел абрикосы, они были для Жун Цзянь.

Жун Цзянь задумался, он даже не знал, о чем думал, наклонив голову:

— Тогда приходите сюда каждый день, чтобы наблюдать, как я пью лекарство, это тоже необходимо?

Нет.

Первый раз это было случайностью, он долго ждал снаружи и увидел, как Жун Цзянь хотел вылить лекарство. Позже он понял, что если он не придет, Жун Цзянь, скорее всего, не выпьет лекарство.

Иногда в Жун Цзянь просыпалась детская натура: он боялся боли и горького вкуса, и из-за этого мог совершать неразумные поступки.

Мин Е не мог понять такого поведения.

Это также не входило в его обязанности.

Мин Е спрыгнул с дерева и подошел ближе:

— Нет. Я просто хотел это делать.

Сердце Жун Цзянь забилось быстрее, он даже не знал почему, его дыхание стало учащенным, и он сказал:

— Подожди минутку.

Затем он вернулся в комнату, взял плащ и, стоя за кроватью, поманил Мин Е рукой.

На этот раз Жун Цзянь не полез на подоконник, это было слишком хлопотно, и он боялся испачкать плащ.

Он объяснил:

— Прошлой осенью все во дворце получили зимнюю одежду. Ты мой личный охранник, поэтому я тоже заказал тебе. Вчера тетюшка Чжоу сказала, что зимняя одежда уже раздана, посмотри, подходит ли она?

Говоря это, он протянул плащ, не упоминая, что камни пришил сам, в этом не было ничего особенного.

С его наблюдательностью, Мин Е сразу заметил, что камни на воротнике были пришиты совершенно иначе, чем остальные части, и сделано это было очень неумело, даже концы ниток не были спрятаны, что было бы странно даже для начинающей вышивальщицы.

Он взял плащ, развернул его и остановился на камнях на воротнике:

— Очень красиво, камни пришиты отлично, это была ваша идея?

Услышав это, Жун Цзянь почувствовал гордость, он вдруг осознал, что у него есть талант, и что Мин Е обладает хорошим вкусом, и капризно кивнул:

— Да, я тоже так думаю.

Мин Е улыбнулся, но, когда он повесил плащ на руку, заметил на краю воротника слабый след крови.

Улыбка исчезла.

Мин Е протянул руку и схватил запястье Жун Цзянь.

Через плотную осеннюю одежду Жун Цзянь почувствовал форму костей пальцев Мин Е, возможно, они были слишком сильными, и его первой реакцией было попытаться вырваться, но он не смог.

В тусклом свете заката рука Жун Цзянь лежала на плаще, пальцы слегка сжались, а на белой коже были видны несколько маленьких, уже засохших капель крови.

Мин Е тихо сказал:

— У вашего высочества красивые руки. Такие руки не должны держать иголку и нитку.

В древности было важно разделение между мужчинами и женщинами, и такие слова, сказанные другим мужчиной принцессе, могли бы показаться легкомысленными, но из уст Мин Е это звучало как простая констатация факта.

У Жун Цзянь были красивые руки, которые не должны были заниматься шитьем.

Жун Цзянь широко раскрыл глаза, сразу поняв, что Мин Е обнаружил, что камни пришил он сам, но не мог понять, как именно Мин Е это заметил.

|

<http://bllate.org/book/16310/1471555>